

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

МЕЖДУНАРОДНОГО СОЮЗА ЭКОНОМИСТОВ

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА:
ГЛОБАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ



ТОМ 46

МОСКВА
2017

ISSN 2542-4502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

SCIENTIFIC WORKS

OF THE INTERNATIONAL UNION OF ECONOMISTS

WORLD ECONOMY: GLOBAL CHANGES



V 46

MOSCOW
2017

Главный редактор, президент Международного
Союза экономистов, председатель Совета (Союза
старейшин) ВЭО России, почетный президент ВЭО
Директор АНО «Институт проблем экономического
развития», член Международного Совета
экономистов, член Президиума ВЭО России

Член Координационного Совета Международного
Союза экономистов, научный руководитель
АО «Институт экономических исследований»
Министерства экономического развития и торговли
АО «Институт экономического развития им.
С. Ю. Витте, первый вице-президент Союза
промышленников и предпринимателей
Санкт-Петербурга, а.и. профессор
Санкт-Петербург, РФ)

Член Координационного Совета Международного
Союза экономистов, директор
Института проблем индустриального развития им.
С. Ю. Витте, первый вице-президент Союза
промышленников и предпринимателей
Санкт-Петербурга, а.и. профессор
Санкт-Петербург, РФ)

Член Координационного Совета Международного
Союза экономистов, директор
Института проблем индустриального развития им.
С. Ю. Витте, первый вице-президент Союза
промышленников и предпринимателей
Санкт-Петербурга, а.и. профессор
Санкт-Петербург, РФ)

Вице-президент Международного Союза
экономистов, судья Европейского Суда по правам
человека, 1998 г. Страсбург, Франция/заяв
Республика Беларусь

Вице-президент
Института проблем индустриального развития им.
С. Ю. Витте, первый вице-президент Союза
промышленников и предпринимателей
Санкт-Петербурга, а.и. профессор
Санкт-Петербург, РФ)

ISSN 2542-4502

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Г.Х. ПОПОВ

Главный редактор, президент Международного Союза экономистов, председатель Сената (Совета старейшин) ВЭО России, почетный президент ВЭО России, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)

А.Н. АСАУЛ

Директор АНО «Институт проблем экономического возрождения», член Международного Союза экономистов, член Президиума ВЭО России, заслуженный деятель науки РФ, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, РФ)

С.Б. БАЙЗАКОВ

Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, научный руководитель АО «Институт экономических исследований» Министерства экономического развития и торговли Республики Казахстан, д.э.н., профессор (г. Астана, Республика Казахстан)

С.Д. БОДРУНОВ

Вице-президент Международного Союза экономистов, президент ВЭО России, директор Института нового индустриального развития им. С.Ю. Витте, первый вице-президент Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга, д.э.н., профессор (г. Санкт-Петербург, РФ)

Л. ВАСА

Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Центра исследований инновационных технологий факультета экономики и социальных наук Университета имени Святого Иштвана, д.э.н., доцент (г. Гёдёллё, Венгрия)

Х.И. ГАДЖИЕВ

Вице-президент Международного Союза экономистов, судья Европейского Суда по правам человека, д.ю.н. (г. Страсбург, Французская Республика)

Р.М. ГЕОРГИЕВ

Вице-президент Международного Союза экономистов, заместитель декана факультета экономики и бизнес-администрирования Софийского государственного университета св. Климента Охридского, д.э.н., профессор (г. София, Болгария)

-
- С.Ю. ГЛАЗЬЕВ** Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, советник Президента Российской Федерации, вице-президент ВЭО России, академик РАН, академик РАЕН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- Р.С. ГРИНБЕРГ** Вице-президент Международного Союза экономистов, научный руководитель Института экономики РАН, вице-президент ВЭО России, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- А.А. ГРОМЫКО** Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института Европы РАН, шеф-редактор журнала «Современная Европа», член Президиума ВЭО России, член Научного Совета Безопасности РФ и Научного Совета при МИД РФ, член-корреспондент РАН, д. полит. н., профессор (г. Москва, РФ)
- В.М. ДАВЫДОВ** Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института Латинской Америки РАН, член Правления ВЭО России, президент Ассоциации исследователей ибероамериканского мира, член-корреспондент РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- А.А. ДЫНКИН** Вице-президент Международного Союза экономистов, президент Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, вице-президент ВЭО России, член Президиума Совета при Президенте РФ по науке и образованию, член Президиума РАН, академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- В.В. ИВАНТЕР** Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института народнохозяйственного прогнозирования РАН, действительный член Сената ВЭО России, академик РАН, д.э.н., профессор (г. Москва, РФ)
- В.Н. КРАСИЛЬНИКОВ** Руководитель издания, первый вице-президент, генеральный директор Международного Союза экономистов, первый вице-президент ВЭО России, академик РАЕН, доктор экономики и менеджмента, к.э.н., профессор (г. Москва, РФ)

ГЕРМАНИЯ – РОБКИЙ ЛИДЕР ЕС?

GERMANY – TIMID LEADER OF THE EU?



А.А. ГРОМЫКО

Член Координационного Совета Международного Союза экономистов, директор Института Европы РАН, шеф-редактор журнала «Современная Европа», Член Президиума ВЭО России, член Научного Совета Безопасности РФ и Научного Совета при МИД РФ, член-корреспондент РАН, д. полит. н., профессор.

A.A. GROMYKO

Member of the Coordinating Council of the International Union of Economists, director of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, editor-in-chief of the magazine «Contemporary Europe», member of the Presidium of the VEO of Russia, Member of the Scientific Security Council of the Russian Federation and the Scientific Council of the Russian Ministry of Foreign Affairs, corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (Polit.), Professor

2017 год – время сразу нескольких громких юбилеев. Если мы говорим о Европейском союзе, то это шестьдесят лет подписания Римских договоров. В этом году, 25 марта двадцать семь стран-членов Евросоюза, без Великобритании, встретились на неформальном саммите в Риме и отметили эту дату.

В более широком плане отмечается столетие русской революции, или русских революций, в зависимости от интерпретации

того периода истории. И в этом смысле Европа тоже первой приходит на ум, потому что, если бы не эти события, то, в первую очередь, Россия была бы другой (мы не знаем какой, но другой), другой была бы и Европа, и во многом – весь мир.

Не могу не отметить, что в этом году отмечает свой юбилей и Институт Европы – тридцать лет. Одновременно исполняется двадцать пять лет организации, созданной по инициативе его сотрудников – Ассоциация европейских исследований (АЕВИС). Ее президентом-основателем стал Юрий Антонович Борко. Сегодня в ассоциацию входят двадцать шесть региональных отделений по всей стране от Калининграда до Томска.

Одна из центральных европейских тем – конечно же, брекзит. Символично то, что уже через несколько дней после того злополучного для ЕС британского референдума на свет появился важный для будущего интеграционного проекта документ с претенциозным названием – «Глобальная стратегия Евросоюза». Вокруг этого документа развернулось много споров и дискуссий, которые будут происходить и дальше. В стратегии прописаны рецепты того, как ЕС сохранить свою роль в качестве одного из центров влияния в XXI веке. Институт Европы РАН выпустил несколько аналитических работ, посвященных этой тематике. Они размещены на сайте instituteofeurope.ru.

В марте с пометкой «молния» по всему миру разлетелась новость о том, что Дональд Туск, председатель Европейского совета, или, как его часто называют, – президент ЕС, получил официальное уведомление от премьер-министра Великобритании Терезы Мей о задействовании пятидесятой статьи лиссабонского договора. Так началась официальная процедура по выходу Великобритании из ЕС. Это займет не меньше двух лет, и за это время брекзит еще преподнесет немало сюрпризов.

Рассуждая о современном состоянии дел в ЕС и о его будущем, нельзя не остановиться на роли Германии, особенно на фоне брекзита. Великобритания во многом внутри Евросоюза могла побороться с Берлином за звание лидера. Но теперь ясно, что уже совсем скоро в ЕС останется единственный явный претендент на это звание – ФРГ.

Итак, современное драматическое состояние дел в Евросоюзе, в том числе брекзит, как и избрание Д. Трампа, ставит вопросы о будущем этого регионального интеграционного проекта. В част-

ности – об усилении различных диспропорций и диспаритетов внутри ЕС. Для Германии эти и другие события – веская причина задуматься о своей дальнейшей тактике и стратегии как внутри объединения, так и на международной арене.

Хорошо известно, что мотором европейской интеграции, начиная с 1950-х годов, служил тандем Франция и Германия при поддержке Италии. С 1973 года к ним присоединилась Великобритания; образовалась своего рода «большая четверка». Но важно то, что Британия присоединилась к ЕС не столько как единомышленник, сколько как внутриевропейский центр силы, который, преследуя свои интересы, по ходу дела сближался то с Берлином, то с Парижем. И, как правило, именно эти две столицы – Париж и Берлин – оставались до недавнего времени ключевыми игроками в ЕС, что в очередной раз (и на сегодня в последний), было продемонстрировано в годы правления Жака Ширака и Герхарда Шредера.

Эта ситуация не мешала Лондону находить свои ниши по выстраиванию привилегированных отношений то с одним, то с другим визави. Всем памятна встреча Тони Блэра и Жака Ширака во французском Сан-Мало в 2008 году. Встреча, которая запустила общую внешнюю политику и политику безопасности Евросоюза.

Позже на уровень беспрецедентного сотрудничества в военной сфере Британия и Франция вышли, подписав Ланкастерское соглашение в 2011 г. Опять же, именно эти две страны тогда же сыграли ключевую и, надо сказать, незавидную роль в военном вмешательстве в Ливии. В последующие годы происходило сближение Лондона уже с Берлином на почве экономической и управленческой модернизации Евросоюза. В то же время, Париж встал на сторону стран Южной Европы, выступив против политики жесткой экономии, столь восхваляемой Германией. Но какой бы ни была динамика взаимодействия внутри этого треугольника, его вершины со временем стали в массовом сознании восприниматься в качестве «большой тройки» ЕС с регулярным подключением Италии.

Надо сказать, что такое положение дел быстро меняется. Так, в Евросоюзе есть практика не только неформальных саммитов и заседаний Европейского совета, но и неформальные мини-

саммиты. Один из них прошел в марте в Версале, и в нем участвовала «большая четверка». Но кто вошел в эту «большую четверку»? Это Франция, Германия, Италия и уже не Великобритания, а Испания. У Евросоюза теперь новая «большая четверка», без Лондона.

После брекзита проблема переутверждения франко-германской оси заключается в том, что по сравнению с первыми десятилетиями функционирования Евросоюза (тогда еще Европейского экономического сообщества) сильно изменились и Франция, и Германия. Причем относительный вес первой сильно упал, а относительный вес второй значительно вырос.

Экономика Франции все последние годы находилась в достаточно сложном положении. Регулярно возникали рассуждения о том, что эта страна может стать следующим слабым звеном Еврозоны. Во главе нее уже несколько лет стоит беспрецедентно непопулярный президент-социалист, в то время как правоцентристский фланг партийно-политической системы Франции раздроблен, а центр, так скажем, подвешен: за фигурой Эммануэля Макрона не стоит какое-либо сильное политическое движение. Пожалуй, такое происходит впервые в истории Пятой республики, если не считать легендарного Де Голля, который перед приходом к власти и в отсутствие своей собственной партии был политическим тяжеловесом. На фоне дезориентации в кругах политического истеблишмента Франции и неопределенности будущего страны, мы видим, как набирает очки Национальный фронт во главе с Марин Ле Пен.

Во многом противоположные процессы происходили все последние годы или, по крайней мере, до недавнего времени, в Германии. Она сумела обратить к своей выгоде идею наднационального характера Евросоюза и единой валюты. Бисмарк говорил о кошмаре коалиций, имея в виду их переменчивость и неустойчивость. Но современный Берлин обрел рычаги приращения своего влияния именно с помощью коалиционного характера как внешней, так и внутренней среды.

Посмотрим на экономику этой страны. Она достаточно уверенно преодолела первую фазу кризиса в 2008–2009 годах, подтвердив репутацию экономического мотора европейской инте-

грации. Под контролем все эти годы были и безработица, и инфляция. Ангела Меркель получила всеобщее признание в качестве тяжеловеса Евросоюза. В обиход вошла фраза, скорее лестная, чем критическая, что Германия теперь стала слишком велика для Европы, хотя еще мала для мира.

С возможным окончательным уходом в начале XX века в прошлое деголлевской Франции и с новой волной евроскептицизма в Великобритании и по всей Европе, на Берлин, помимо Брюсселя стали возлагать все большие надежды как на тот центр силы и влияния, который вытащит регион из массы проблем. Но не стоит переоценивать немецкую экономическую систему. За время своего существования, если взять за точку отсчета 1949 год, ФРГ шесть раз оказывалась в кризисе, когда ВВП опускался ниже нуля. В период с 2004 по 2015 г. в сумме лишь четыре года отмечался рост ВВП этой страны больше, чем на 2%. Это были 2006, 2007, а за тем 2010 и 2011 гг. Притом несколько лет этот рост был ниже одного процента (2005, 2012, 2013), а в 2009 г. произошел провал на 5,6%. Об экономическом чуде Германии говорить не приходится; если оно и было, то осталось в 1950-х гг.

Последние годы Германия смотрелась лучше на фоне тех, кто выглядел еще хуже. Экономически оставаясь наиболее мощной экономикой в Евросоюзе, у этой страны не так много резервов для ускорения своего роста.

В отличие от традиционных амбиций Лондона и Парижа, Германия до недавнего времени не претендовала на существенную автономию своей политики в рамках Евросоюза, тем более за его пределами. Уверенитет Германии оставался и, по существу, остается под «двумя замками». Замок первый – это пул суверенитетов Евросоюза, который налагает на любую страну, влившуюся в него, добровольные ограничения на суверенитет. Второй замок – это рудименты, сохраняющиеся до сих пор, внешнего управления ФРГ как наследие 1945 года.

Много изменилось с 1990 года. На Западе известен тезис о том, что падение Берлинской стены закрыло вопрос о коммунизме, но снова открыло германский вопрос. Действительно, в том или ином виде с 1990-х гг. рассуждения о германском вопросе, будь то в положительном или негативном смысле, звучали постоянно.

Громкой заявкой на самостоятельность в принятии решений по крупным проблемам стала оппозиция Берлина Вашингтону по вопросу о вторжении в Ирак в 2003 г. Позже Германия позволила себе проявить лидерские качества в условиях бюджетного и долгового кризиса в Евросоюзе и в Еврозоне, а затем в начальной стадии миграционного кризиса.

Долгое время ФРГ была заложницей той же парадигмы, что и Евросоюз в целом: экономический гигант, но политический легковес. Конечно, асимметрия между экономической мощью Евросоюза и незрелостью его внешней политики в последнее десятилетие постепенно уступало место более сбалансированному соотношению эти двух элементов. Однако представляется, что, несмотря на все декларации, их паритет – дело не скорого будущего. В этой сфере последствия брекзита могут быть самыми противоречивыми.

Ключевые страны ЕС, освободившись от британского евроскептицизма, могли бы, по логике вещей, энергично продвигать свою общую внешнюю политику и политику безопасности и политику безопасности и обороны. После британского референдума эти устремления быстро напомнили о себе, например, на неформальной встрече Ф. Могерини, высокого представителя Евросоюза по вопросам внешней политики и безопасности, с министрами иностранных дел и обороны стран-членов Евросоюза в Братиславе в сентябре 2016 года. Затем эта тема громко прозвучала в совместном документе «Сильная Европа в мире неопределенности» (документ за подписью Ф.-В. Штайнмайера, теперь уже президента Германии, и Ж.-М. Эйро, министра иностранных дел Франции). В этом документе содержались предложения о заключении государствами-членами Евросоюза европейского пакта безопасности.

Большим испытанием для политических амбиций Германии стал долговой кризис целого ряда стран (Ирландии, Португалии, Италии, Испании), а затем, конечно же, в последние два года, – миграционный кризис. В первом случае, в случае кризиса долговых обязательств, репутация Берлина пошатнулась в глазах Южной Европы, включая Францию и Италию. Во втором, в случае миграционного кризиса, репутации Берлина был нанесен удар в

глазах Центральной Европы, особенно «Вишеградской четверки» (Польша, Словакия, Чехия и Венгрия).

Все больше стран в последние годы подозревают Германию в том, что она действует, исходя не только и даже не столько из общего блага, сколько из собственных интересов, тем самым в очередной раз стимулируется дискурс о так называемых «национальных эгоизмах» в Евросоюзе.

Кроме того, Германия, как внутри ЕС, так и со стороны США, постоянно подвергается критике за выдвижение своим партнерам неподъемных требований относительно политики жесткой экономики. И одновременно Берлин продолжает делать ставку на агрессивную экспортную ориентацию немецкой экономики.

В результате этих событий политические активы ФРГ, накопленные в годы тучных коров и в начальный период финансово-экономического кризиса, сильно растрачены.

Светлая сторона брекзита для Германии состоит в том, что продолжение дрейфа Лондона от континентальной Европы вновь стимулирует рассуждения о лидерстве Берлина в Европе. Здесь, конечно, много «но». Может ли быть лидерство, предположим, без жесткой силы? Что говорят данные? Численность Бундесвера в 2016 г. составляла 185 000 человек, а до объединения Германии – 600 тыс. Расходы на оборону в ВВП страны с 2009 по 2014 год снизились с 1,44 до 1,29%.

Показательна и «дискуссия о 2%», разгоревшаяся в НАТО с новой силой после прихода к власти Трампа. Германия, и это сильно проявилось на Мюнхенской конференции безопасности в феврале 2017 г., не хочет повышать свои военные расходы и ставит вопрос о том, что в расходах на безопасность надо учитывать не только расходы на «военное железо», а все расходы на безопасность (например, двадцать миллиардов евро, которые страна потратила на борьбу с миграционным кризисом). В этом заключается большое противоречие в позиции Германии на фоне ее же энтузиазма по поводу постепенного разворота Евросоюза в сторону жесткой силы.

В новой Глобальной стратегии ЕС так и написано, что «в современном хрупком мире мягкой силы недостаточно». Вновь вспомним и совместный документ Штайнмайера и Эйро, где го-

ворится примерно то же самое. Но одновременно Берлин проявляет антипатию к наращиванию собственной жесткой силы, хотя и со все меньшей степенью убежденности и интенсивности. В целом речь пока продолжает идти о феномене сомневающегося лидера, который во многом тяготеет выпавшей на его долю ответственностью. В то же время, культура военной сдержанности, традиционная для Германии, дает первые трещины.

Если германский пацифизм все же будет доминировать и дальше, вместо усиления роли Германии брекзит может привести и к иному эффекту: к высвобождению политического пространства для продвижения амбиций не Германии, а других государств, например, Франции, Италии, Испании, Польши. Но, конечно, и здесь встает множество вопросов, и поговорка о том, что свято место пусто не бывает, может необязательно сработать в этом случае. Если взять все перечисленные страны, то не просматривается, чтобы любая из них имела бы ресурсы, возможности, да и желание взять на себя большую роль. Возможно, что положение изменится в случае победы на президентских выборах во Франции Э. Макрона и второго пришествия во власть в Италии М. Ренци.

На сегодня Германия сохраняет свое место в категории наиболее евро-оптимистически настроенных стран Евросоюза. Согласно социологическому опросу, проведенному в Германии 23 марта 2017 г., 45% немцев считают, что членство в ЕС выгодно для их страны, а 75% проголосовало бы за сохранение ее членства в Евросоюзе, если бы такой референдум был проведен.

Многое зависит и от результатов грядущих в сентябре парламентских выборов в ФРГ. Вновь борьба разгорелась между двумя ведущими силами – альянсом ХДС/ХСС и СДПГ. Но какой бы ни был результат, речь пойдет о приходе к власти той или иной коалиции. Однопартийного правления в Германии сейчас возможно лишь в теории. Большинство немцев, по тем же самым опросам, выступает за большую коалицию, то есть за коалицию ХДС/ХСС и СДПГ. Одновременно, каждая из ее двух потенциальных составляющих будет стремиться к созданию коалиции иной конфигурации.

Первые месяцы 2017 г. Германия жила в тени «эффекта Шульца». Он набирал обороты, по крайней мере, до выборов в

федеральной земле Саарланд, которые прошли 26 марта, и на которых партия Меркель, ХДС, одержала убедительную победу. Но, действительно, после того, как бывший председатель Европарламента Мартин Шульц решил попробовать себя в национальной политике, СДПГ в беспрецедентной манере одним рывком сократила 10%-ое отставание в опросах общественного мнения от ХДС/ХСС.

В среднем социал-демократы получали в опросах 30–32%, а ХДС/ХСС – 32–34%. И все же «эффект Шульца» не производил впечатления устойчивого, а его предвыборная платформа долгое время была очерчена в самых общих чертах. Впервые Шульц пространно высказался по ключевым предвыборным темам на внеочередном съезде СДПГ 19 марта, на котором единогласно был избран лидером СДПГ и утвержден кандидатом на пост канцлера от этой партии.

Меркель же сосредоточилась на налаживании отношений с правым крылом ХДС, которые во многом были испорчены из-за миграционного кризиса, и также на во многом сопутствующей проблеме – турецкой. Ожидания заключаются в том, что после референдума об изменении конституции в Турции 16 апреля страсти между Анкарой и Берлином поулягутся, и дамоклов меч выхода Турции из соглашения с Евросоюзом о беженцах не сойдет вниз.

Еще одна, относительно недавняя проблема для Берлина – отношения с Польшей. В ней главный камень преткновения не верховенство закона, не либеральная демократия, хотя это звучит больше всего, а нечто намного более приземленное и меркантильное – проект «Северный поток – 2». В этом споре Варшава разворачивает принципы солидарности в Евросоюзе в свою пользу, обвиняя уже Берлин в национальном эгоизме, то есть, в данном случае, в пренебрежении интересами средних и малых стран Евросоюза. Когда же Польше указывают на то, что с 2004 года она получила из структурных фондов ЕС порядка восьмидесяти миллиардов евро, то следует ответ, что 80% из каждого евро возвращалось в Брюссель, и что Германия за тот же период продала в Польшу своих товаров на сумму в пятьдесят пять миллиардов евро. Также Варшава была взбешена тем, что 9 марта, против ее

воли, на новый срок, два с половиной года, в качестве председателя Европейского совета был переизбран поляк Дональд Туск, и Германия полностью поддержала его кандидатуру. Туск же является злейшим политическим противником правящей в Польше партии «Право и справедливость» во главе с Я. Качиньским.

Еще одно яблоко раздора между грандами Евросоюза, в первую очередь, Германией и малыми странами – это концепция Европы «разных скоростей» или многоскоростной Европы. Уместно вспомнить еще об одной подноготной саммита, который прошел в Брюсселе 9 марта. Она состояла в том, что 1 марта Еврокомиссия опубликовала Белую книгу, в которой изложено пять сценариев развития Евросоюза на ближайшие годы. Первый – продолжение курса, второй – только единый рынок, третий – кто хочет больше, делает больше, четвертый – делать меньше более эффективно, пятый – делать больше вместе. Считается, что фаворитом Брюсселя является сценарий третий: «кто хочет больше, делает больше». То есть, это «хороший знакомый» – «Европа разных скоростей».

В этой концепции ничего нового нет. «Европа разных скоростей» в полную силу получила выражение в проекте Еврозоны. В Еврозону входит девятнадцать из двадцати восьми стран, и только десять из этих девятнадцати стран поддерживают идею введения налога на финансовые транзакции. Другой пример – Шенгенская зона. Только двадцать две страны из ЕС-28 входят в нее.

А. Меркель, как считается, симпатизирует комбинации из третьего и четвертого сценариев: «кто хочет больше, делает больше» плюс «делать меньше более эффективно». Жан-Клод Юнкер, председатель Еврокомиссии, предпочитает комбинацию из третьего и пятого сценариев: «Европа разных скоростей» плюс «делать больше вместе». В результате того, что ряд стран – Польша и другие члены Вишеградской четверки, Румыния – выступили резко против продвижения этой идеи, которую Берлин поддержал, под угрозой оказалось принятие юбилейной декларации в Риме 25 марта. В результате была найдена обтекаемая формула, чтобы удовлетворить всех, которую Меркель закрепила на пресс-конференции после саммита. Она подтвердила, что возможно использовать разные скорости интеграции, но при этом речь идет о движении в одном направлении.

Возвращаясь к выборам в Германии. На первом месте, как уже было отмечено, стоит вариант «большой коалиции». Но есть шансы и у другой «цветовой гаммы»: «красные-красные-зеленые». То есть СДПГ, Левая партия и «Союз-90/Зеленые». Проблема в том, что пока в сумме эти три силы не набирают 50 или более процентов голосов. Что касается Партии свободных демократов, которая не прошла в Бундестаг в 2013 г., сейчас у нее порядка 6–7%, и она может вновь войти в парламент. Что касается «Альтернативы для Германии», то у этой внесистемной политической силы 10–11%. Несмотря на это, она считается партией нон-грата для всех других игроков и даже в теории не имеет шансов претендовать на вхождение в какую-либо правящую коалицию.

Полития Германии после выборов сохранит характер мейнстрима, не стоит ждать, что в ней произойдет что-либо близкое к событиям в США или Великобритании. И во внешней политике выражением этого станет стремление к возрождению франко-германского тандема в Евросоюзе. По крайней мере, на это рассчитывают центристы во Франции. Да и у Берлина вряд ли есть иная альтернатива.

16 марта на встрече с Меркель Франсуа Макрон заявил о том, что Германия в последние два года изменила стратегию: ранее она делала ставку на сближение с Россией и Китаем, а теперь вновь возвращается к Франции. Надо сказать, что внешняя политика Берлина, действительно, до сих пор не отличается особой диверсификацией; например, такой факт: до сих пор в немецком МИД нет департамента Азии.

Что касается перспектив отношений России и Германии во главе с перелицованной «большой коалицией», то оптимизм здесь не уместен. Руководя Европарламентом, Мартин Шульц всегда прямолинейно выступал с жестких антироссийских позиций. Он также является убежденным сторонником внешней политики, основанной на ценностях, от чего был достаточно очевидный отход при Штайнмайере. А как известно, такой идеологический подход не сулит ничего хорошего отношениям между Германией и Россией.

Что касается вопроса о том, кто станет следующим канцлером ФРГ, то интрига также налицо. Трудно представить, что Меркель,

после трех сроков во власти, согласится на вторые роли. Но не менее очевидно, что Шульц добровольно отказался от поста президента Европарламента не для того, чтобы в Германии стать вторым номером.



2017 is a year of several prominent anniversaries. For the European Union it is the 60th anniversary of the Treaty of Rome. This year, on March 25th, twenty seven EU members, minus the UK, have gathered to an informal summit in Rome to celebrate this anniversary.

In broader terms, we commemorate the centenary of the Russian Revolution, or Russian Revolutions, depending on how we interpret that period. And in that context, we first think about Europe again because, if not for those events, Russia would be different today (we can't be sure what it would be, but it would be different indeed), Europe would be different, and in many ways the whole world would be different, too.

I must also mention that this year, the Institute of Europe celebrates its 30th anniversary. The Association of European Studies (AES), an organization initiated by the Institute's staff, turns 25 this year. Its Founding President is Yuri Antonovich Borko. Today the Association has twenty six regional offices across the country, from Kaliningrad to Tomsk.

One of the topics that is currently in the spotlight in Europe is, of course, the Brexit. It is symbolic that just a few days after the British referendum that had proven to be disastrous for the EU, an important document determining the future of the entire integration project was published, it was pretentiously titled the EU Global Strategy. The document has sparked massive arguments and discussions, and they will continue in the future. The strategy establishes the recipes for the EU to maintain its position as one of the centers of influence in the 21st century. The Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences has made several analytical publications on the topic. They can be accessed at instituteofeurope.ru.

In March, news broke around the globe that EC President Donald Tusk had received an official notification from UK Prime Minister

Theresa May on enactment of the 50th article of the Treaty of Lisbon. Thus the official procedure for the UK's withdrawal from the European Union has commenced. It will take at least two years to complete, and until then Brexit is sure to hand us many surprises.

While discussing the current situation in the EU and its future, we can't but focus on the role of Germany, especially against the backdrop of Brexit. In many respects, the UK could challenge Berlin's leadership within the European Union. But now it is clear that in a little while Germany is going to become the sole apparent contender to the title in the EU.

Eventually, the current dramatic state of affairs in the EU, including Brexit, as well as the election of Donald Trump, opens the question about the future of this regional integration project. And specifically, the question about further aggravation of various disproportions and disparities within the EU. For Germany, these and other events are a good reason to reflect on its further tactics and strategies both within the union, and in the international arena.

It is well known that starting from the 1950s, European integration had been driven by the tandem of France and Germany, with the support from Italy. In 1973, the UK joined the company, creating the Big Four of sorts. But one important factor is that Britain joined the EU not so much as a like-minded ally, but rather as an intra-European center of power that, in pursuit of its own interests, developed closer ties with both Berlin and Paris. And generally, it is these two capitals – Paris and Berlin – that until recently were the key players within the EU, as was once again (and so far, for the last time) demonstrated during the leadership of Jacques Chirac and Gerhard Schroeder.

This situation never stopped London from finding its own niches in which to build its privileged relations with one counterpart, and then with the other. Everyone remembers a meeting between Tony Blair and Jacques Chirac in France's Saint-Malo in 2008. The meeting that launched the joint foreign policies and security policies of the European Union.

Later Britain and France reached an unprecedented level of military cooperation when they signed the Lancaster Treaties in 2011. Again, these two countries have played the key and, I must add, an unfortunate role in the military intervention in Libya. In the following

years London kept growing closer with Berlin due to the economic and administrative modernization of the European Union. At the same time, Paris sided with the countries of the Southern Europe, speaking against the policy of austerity that had been much vaunted by Germany. But whatever the dynamics within this triangle, in time its vertices came to be widely perceived as the EU's Big Three, with regular inclusion of Italy.

But we must note that this situation is rapidly changing. The EU practices not only informal summits and meeting of the European Council, but informal mini-summits as well. One of them was held in Versailles in March and was attended by the Big Four. But what Big Four are we talking about? They were France, Germany, Italy and Spain, in place of the UK. The European Union has a new Big Four, without London.

After Brexit, the problem with restatement of the France-Germany axis is that both France and Germany have changed greatly since the first decades of the European Union (then named the European Economic Community). The relative weight of the former has declined dramatically, while the relative weight of the latter has grown massively.

Over the recent years, the economy of France has been in a rather difficult situation. It has been regularly speculated that the country might become the next weak link in the Eurozone. It has been led for several years by a socialist President with an unprecedented level of unpopularity, while the center-right of the French political party system is fragmented, and the center is in limbo of sorts: Emmanuel Macron is not backed by any powerful political movement. I dare say this is the first such situation in the history of the Fifth Republic, with the exception of the legendary De Gaulle who, before coming to power, was a political heavyweight in his own right, without a political party. Amid disorientation of the French political establishment and uncertainty of the country's future, we witness the National Front led by Marine Le Pen scoring gains.

The processes that have been developing in recent years, or at least until recently, in Germany are largely the opposite. The country has managed to turn to its own advantage the idea of the supranational nature of the EU and its common currency. Bismarck talked about the nightmare of coalitions, implying their fluidity and instability. But to-

day's Berlin has taken hold of controls that allow it to gain influence exactly through internal and external coalitions.

Let us look at the country's economy. It remained rather steady throughout the first phase of the 2008–2009 crisis, reaffirming its reputation as a driver for European integration. Over the years, both unemployment and inflation have remained under control. Angela Merkel became a widely recognized heavyweight figure in the European Union. Rather flattering than critical, an observation that Germany is too big for Europe, but too small for the world has become a popular idea.

With De Gaulle's France possibly receding into the past in the early 20th century for good and with the new wave of Euroscepticism in the UK and throughout Europe, hopes are now placed on Berlin, along with Brussels, to become the center of power and influence that can pull the region out of a great many problems. But one must not overestimate the economic system of Germany. Throughout its existence, with the starting point set in 1949, the Federal Republic of Germany has gone through six crises where its GDP declined below zero. From 2004 till 2015 the country had only a total of four years where its GDP grew by more than 2%. These were 2006, 2007, and then 2010 and 2011. For several years, the GDP growth was less than one percent (2005, 2012, 2013), and in 2009 it dropped by 5.6%. There is no economic miracle of Germany to talk about; if there was any, it stayed in the 1950s.

Over the recent years, Germany looked better against the backdrop of those who looked even worse. While still the most powerful economy in the EU, the country does not have many more resources to accelerate its growth.

In contrast to the traditional ambitions of London and Paris, until recently Germany did not seek any significant autonomy for its policies within the EU, and even less so outside of it. The sovereignty of Germany remained, and essentially remains today behind two locks. The first lock is the sovereignty pool of the European Union that imposes voluntary limitations to the sovereignty of any country that joins the Union. And the second lock is the rudimentary elements of external control of the Federal Republic of Germany, a legacy dating back to 1945.

A lot has changed since 1990. There is a well-known thesis in the West that the fall of the Berlin Wall has resolved the issue of communism, but reopened the issue of Germany. And it is true that in one form or another, discussions of the issue of Germany were ongoing throughout the 1990s, whether in a positive or negative sense.

Berlin's opposition to Washington on the issue of the Iraq invasion in 2003 was the country's strong claim for independence in decision-making. Some time later Germany demonstrated its leadership ability amid the budget and debt crisis in the EU and the Eurozone, and then again at the early stages of the migrant crisis.

For a long time, Germany has been a hostage to the same paradigm that affects the European Union as a whole: an economic colossus, politically it weighs little. Of course, during the recent decade the asymmetry of the economic power of the EU and immaturity of its foreign policies have been gradually finding balance. But despite any declarations, it appears that they will not reach parity in the near future. In this area, Brexit could have consequences that are entirely contradictory.

Logically, having broken free from the British Euroscepticism, the key countries of the EU could actively pursue their common foreign policies and security and defense policies. After the British referendum, these aspirations were soon brought up, for example, at the informal meeting of High Representative of the European Union for Foreign Affairs and Security Policy Federica Mogherini with foreign ministers of the EU member states in Bratislava in September 2016. The topic was again a prominent part of a joint document entitled «A Strong Europe in a World of Uncertainties» (signed by Frank-Walter Steinmeier, the now-President of Germany, and by Jean-Marc Ayrault, the French Minister of Foreign Affairs). The document suggested that the EU member states should sign a European security treaty.

The political ambition of Germany was heavily tested by the debt crisis in a number of countries (Ireland, Portugal, Italy, Spain), and then, of course, over the last two years, by the migrant crisis. In case of the former, as a result of the debt crisis, the reputation of Berlin suffered a blow in the eyes of Southern Europe, including France and Italy. In case of the latter, during the migrant crisis, Berlin's reputation

suffered in the eyes of Central Europe, particularly, the Visegrad Four (Poland, Slovakia, Czech Republic and Hungary).

In the recent years, more and more countries have come to suspect Germany of acting not only and not so much for the common benefit, but rather in its own interest, thus again boosting the discourse of the so-called national selfishness in the European Union.

Moreover, Germany is being constantly criticized both from within the EU and by the US for placing overwhelmingly harsh demands on its partners with regards to the austerity policy. And simultaneously Berlin continues to rely on the aggressive export focus of the German economy.

As a result, the political assets of Germany, amassed during its fat years and at the beginning of the financial economic crisis have worn very thin.

The bright side of Brexit for Germany is that further alienation of London from the continental Europe once again brings up the issue of Berlin's leadership in Europe. There are many «buts» here, of course. Can leadership do without hard power? What does data say? The strength of the Bundeswehr in 2016 was 185,000 in personnel, compared to 600,000 before the unification of Germany. Between 2009 and 2014 the share of the country's defense spending in its GDP decreased from 1.44% to 1.29%.

Exemplary is the «2% discussion» that has flared up at the NATO with Trump's ascension to power. Germany, and that has become apparent at the Munich Security Conference in February 2017, does not want to raise its military spending and opens the question that security spending should include not just the «military hardware,» but all security expenses (e. g., the country has spent twenty million euro on migrant crisis management). Here Germany's position contradicts its own enthusiasm for gradual adoption of hard power in the EU.

The new Global Strategy of the EU says outright that «in this fragile world, soft power is not enough.» We can also think again about the joint Steinmeier-Ayrault document that expresses roughly the same idea. But at the same time Berlin remains antipathetic to the buildup of its own hard power, albeit with decreasing conviction and intensity. All in all, for now we are dealing with a hesitant leader phenomenon where the leader in many respects considers the responsibility

ity to be a burden. At the same time, the culture of military restraint that is traditional for Germany is showing its first cracks.

If Germany's pacifism continues to dominate in the future, instead of heightening the role of Germany, Brexit could have an opposite effect: it could vacate political space for ambitions of countries other than Germany, for example, for France, Italy, Spain, or Poland. But naturally, it raises many questions, and the saying that goes «nature abhors a vacuum» might not work in this case. Out of the above countries, none seems to have the resources, capacity and the will to assume any bigger role. The situation might change should Emmanuel Macron win the Presidential election in France and Matteo Renzi return to power in Italy.

For today, Germany remains among the most Euro-optimistic countries in the European Union. According to the opinion poll held in Germany on March 23, 2017, 45% of Germans believe that EU membership is beneficial for the country, and 75% would vote to stay in the EU if such referendum was organized.

Much depends on the results of the September election in Germany. The race is once again between the two key powers – the alliance of CDU/CSU and the SPD. But whatever the result, the power will belong to one coalition or the other. Today a single-party government in Germany is only possible in theory. According to the same polls, the majority of Germans support a large coalition, i. e. CDU/CSU and SPD. At the same time, each of the two components will strive to create a coalition in a different configuration.

Germany spent the first months of 2017 in the shadow of the Schultz effect. It kept gaining momentum until at least the Saarland elections on March 26, where Merkel's party, the CDU, secured a solid victory. But after the former President of the European Parliament Martin Schultz attempted to try his hand in the national politics, the SPD has unprecedentedly, in a single leap closed its 10% gap with the CDU/CSU according to opinion polls.

On average, opinion polls showed that social democrats had the support of 30–32%, and the CDU/CSU would get 32–34%. And yet, the Schultz effect did not appear to be stable, and his election platform had for a long time remained outlined without much detail. Schultz for the first time talked at length about the key election topics at the ex-

traordinary SPD congress on March 19, where he was unanimously elected the leader of the SPD and his candidacy to the position of the Chancellor was approved.

At the same time, Merkel focused on mending relations with the right wing of the CDU, that were injured by the issues related to the migrant crisis, and on the accompanying problem – the Turkey problem. The expectation was that after the Turkish constitutional referendum on April 16, the issues between Ankara and Berlin might deescalate, and the threat of Turkey's withdrawal from its Refugee Deal with the EU would be avoided.

Another problem for Berlin, this one relatively recent, is its relations with Poland. Here the stumbling point is not the supremacy of law, not liberal democracy, even though that is what's discussed most often, but something much more grounded and materialistic – the Nord Stream 2 project. In this dispute, Warsaw uses the principles of EU solidarity for its own benefit, accusing Berlin of national selfishness and disregard of the interest of mid-sized and small countries of the EU. When Poland is reminded that since 2004 it has received some 80 billion euro from the structural funds of the EU, it responds that 80% of each euro was returned to Brussels, and that during the same period Germany has sold 55 billion euro worth of products to Poland. Warsaw was also enraged when on March 9 Donald Tusk, a Pole, was re-elected as the President of the European Council against its will for two and a half more years, with full support from Germany. Tusk is a staunch opponent of the ruling Polish Law and Justice party led by Jaroslaw Kaczynski.

Another apple of discord for the EU powerhouses – first of all, for Germany and the smaller EU countries – is the European concept of a multi-speed Europe. There is another inside fact about the Brussels summit of March 9. On March 1, the European Commission published its White Paper that presents five development scenarios for the EU for the next few years. The first one continues the course, the second one preserves only a common market, the third one proclaims that whoever wants more should do more, the fourth one is for doing less with higher efficiency, and the fifth one is for doing more together. The third scenario is thought to be favored by Brussels: whoever wants more, should do more. In the end, it is about the same old multi-speed Europe.

There is nothing new about this concept. The concept of a multi-speed Europe was fully reflected in the Eurozone project. Nineteen out of twenty eight countries are members of the Eurozone, and only ten of those are for the proposed financial transaction tax. Another example is the Schengen Area that includes only 22 countries out of 28.

It is believed that Angela Merkel leans towards a combination of the third and fourth scenarios: whoever wants more should do more plus doing less with higher efficiency. The President of the European Commission Jean-Claude Juncker favors a combination of the third and fifth scenarios: multi-speed Europe plus doing more together. After a number of countries – Poland and the other members of the Visegrad Four and Romania – spoke strongly against the idea that was supported by Berlin, the signing of the anniversary Rome Declaration on March 25 was put into question. In the end, a vaguer and broader wording was used to satisfy every party, which was made official by Merkel at the post-summit press conference. She confirmed that integration can be achieved at various speeds, as long as everyone moves in the same direction.

Now back to the elections in Germany. The current leader is the «big coalition» option that we have discussed earlier. But the green-red-green color palette has its chances, too. These colors are the SPD, the Left and the Alliance-90/The Greens. The problem is that together these three powers do not make up 50 or more per cent of votes. The Free Democratic Party failed to take any seats in the Bundestag in 2013, but today it has some 6–7% and has a shot at rejoining the Parliament. The Alternative for Germany is a non-system political force whose support level is at 10–11%. Nevertheless, it is considered a party non-grata for all other players and has no chance to join any ruling coalition.

After the election, German politics will remain mainstream in nature, it can't be expected to offer anything close to the events in the US or the UK. In its foreign policies it will manifest in the desire to revive the French-German tandem within the EU. At the very least, that is what French centrists expect to happen. And Berlin does not seem to have any other options.

During his March 16 meeting with Merkel, Emmanuel Macron said that over the last two years Germany has changed its strategy: it used

to prioritize rapprochement with Russia and China, but now it is coming back to France. It must be noted that Berlin's foreign policies indeed remain rather undiversified; in fact, there is still no Department of Asia in the German Ministry of Foreign Affairs.

Speaking about the potential for Russia-Germany relations under the revamped «big coalition», there is no room for optimism. As the head of the European Parliament, Martin Schultz has always been straightforward in his anti-Russian position. He is also a strong advocate of value-based foreign policies, which is an obvious deviation from Steinmeier's position. And obviously, such an ideological approach only means trouble to the Russia-Germany relations.

With regard to whoever becomes the next Chancellor of Germany, the intrigue is obvious. It's hard to imagine that Merkel, having served three terms at the top, would accept a secondary role. But it is also clear that Schultz did not voluntarily withdraw from Presidency at the European Parliament to become second in Germany.